

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-312-329
УДК 821.161.1

Малоизученная франкоязычная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина в свете первой волны русской эмиграции

© 2019, С.А. Гарциано

Аннотация: Современные исследования французской критики произведений И.А. Бунина проводились по трем основным направлениям: литературная критика, опубликованная французскими авторами, отдельные рецензии на его книги и статьи, приуроченные к получению Нобелевской премии. В настоящей статье анализируются ранее неизученные или малоизученные тексты, написанные по-французски представителями первой волны эмиграции. Данная работа построена на изучении четырех тем: межвоенная франкоязычная эмигрантская критика о творчестве И.А. Бунина, статья Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» (“Ivan Bunin. Son activité littéraire en France”, 1928), образ И.А. Бунина в книге В.С. Познера «Панорама современной русской литературы» (“Panorama de la littérature russe contemporaine”, 1929) и в свете литературоведческих размышлений, высказанных во время заседаний Франко-русской студии (Париж, октябрь 1929 г. — апрель 1931 г.). Обзор эмигрантской критики по-французски позволяет выделить некоторые основные черты бунинской поэтики, такие как ведущее место писателя в эмигрантской литературе как наследника реализма и основной ветви великой русской литературы, чрезмерная телесность и вещественность бунинского мира и основополагающая тема любви и смерти, позволяющая осмыслить онтологический смысл жизни. Упоминание об этом писателе играет первостепенную роль во франкоязычной критике русской эмиграции, проявляющуюся в литературных статьях, рецензиях, книгах, справочных статьях и личных письмах.

Ключевые слова: И.А. Бунин, литературоведческая критика на французском языке, первая волна русской эмиграции, А.Я. Левинсон, В.С. Познер, Н.К. Кульман, В.Б. Фохт, Б.Ф. Шлёцер, З.А. Шаховская, Н.В. Брянчанинов, Л. Лалуа, Ж. Шюзвиль, М. Парижанин, М. Алданов

Информация об авторе: Светлана Александровна Гарциано, д.ф.н., доцент, Лионский университет, Франция.

E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

Цитирование: *Гарциано С.А.* Малоизученная франкоязычная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина в свете первой волны русской эмиграции // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 312–329.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-312-329

По сравнению с другими писателями первой волны эмиграции, как, например, Д.С. Мережковский, для которых исследовательская область литературного наследия на французском языке является почти *tabula rasa*, франкоязычная критика о бунинском творчестве изучена достаточно досконально, хотя в ней и присутствуют некоторые лакуны, объясняемые спецификой выбранных научных направлений. Наслоение эмигрантской критики на французскую образует малоисследованную зону на стыке двух литературных полей, несущую в себе маргинальное литературное явление — изложение эмигрантскими авторами своих литературоведческих размышлений по-французски.

Во второй книге 84-го тома «Литературного наследства», вышедшего в 1973 г., приводятся некоторые отрывки из французских отзывов о творчестве Бунина: письмо Р. Роллана к Л. Круппи за 20 мая 1922 г.¹, отрывки из рецензий А. де Ренье за 1921–1924 гг.², отрывки из дневника А. Жида за 1941 г. и его письмо к Бунину за 1950 г.³ Напомним, что в течение эмигрантского периода, будучи подписан на рассылку «Аргус пресс» («Argus de la presse»), Бунин собирал для своего архива⁴ коллекцию газетно-журнальных вырезок из европейской периодики — для посмертного издания литературоведческого тома о своем творчестве. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. В.Н. Бунина передала в СССР часть бунинского архива, содержащего значительную подборку рецензий и статей по-французски, хранящуюся в ИМЛИ РАН (около 350 единиц) и РГАЛИ (около 100 листов, посвященных Нобелевской премии)⁵. 15 февраля 1957 г. В.Н. Бунина пишет Г.Н. Кузнецовой по этому поводу: «Удивило меня и одно письмо Алданова: будто бы он получил от неназванных корреспондентов Яна письма, в которых те спрашивали его, правда ли я передала весь архив в Москву? Очень беспокоятся о своих письмах... И почему было писать Алданову, а не мне, узнайте, кто это? <...> Много писем у Сазоновой, и у нас ее, но она не беспокоится. К слову сказать, пока передано в Москву только полное собрание “Петрополиса” с поправками автора, да

¹ Роллан Р. Из письма Ромена Роллана к Луизе Круппи // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М., 1973. Кн. 2. С. 375–376.

² Ренье А. де. <О сборнике «Господин из Сан-Франциско»>; <О повести «Деревня»>; <О сборнике «Чаша жизни»> // Там же. С. 376–378.

³ Жид А. Из дневника Андре Жида. Письмо Андре Жида к Бунину // Там же. С. 382–387.

⁴ В письме В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 15 апреля 1953 г. читаем: «Есть письма: мои письма к Вам и Ваши ко мне. Почему-то они в бауле у Яна?! Как-нибудь разберу их. Сейчас мне нужно для архива переписать страниц 50 еще, а время куда-то уходит» (И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М., 2014. С. 194).

⁵ Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. С. 488, 464.

еще иностранные рецензии и критика. <...> Людей, писавших Яну и не умерших до его смерти, мы не разбирали, да и писали большинство неинтересные письма»⁶.

В современный период французская критика произведений Бунина изучалась в диссертации С.А. Кривцовой «Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики»⁷, а также во введении Т.В. Марченко к переводам текстов франкоязычной критики из книги «Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина»⁸. Современные исследования французской критики произведений Бунина проводились в основном по трем направлениям: литературная критика, опубликованная французскими авторами, отдельные рецензии на бунинские книги и статьи, приуроченные к получению Нобелевской премии. В данной работе анализируются ранее неизученные или малоизученные тексты, встречающиеся на страницах французской периодики и в других источниках по-французски, причем повышенное внимание уделяется французским эссе, написанным эмигрантскими критиками, а также текстам, посвященным обзору всего творчества писателя. Изучение данной проблематики строится на освещении четырех тем: межвоенная эмигрантская критика о творчестве Бунина на французском языке на примере некоторых ее представителей, статья Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» (1928), образ Бунина в книге В.С. Познера «Панорама современной русской литературы» (1929) и в свете литературоведческих размышлений, высказанных во время заседаний Франко-русской студии (Париж, октябрь 1929 г. — апрель 1931 г.).

Краткий обзор межвоенной эмигрантской критики о творчестве И.А. Бунина на французском языке

Литературоведческие заметки критиков первой волны эмиграции на французском языке до сих пор на нашли должного освещения в научной сфере, они разбросаны по многочисленным франкоязычным периодическим изданиям, малодоступным в настоящее время и недостаточно сохранившимся во французских документальных фондах. О литературном творчестве Бунина писали по-французски такие эмигрантские авторы,

⁶ Письмо В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 15 февраля 1957 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 385.

⁷ Кривцова С.А. Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 220 с.

⁸ Марченко Т.В. Введение. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина / Под ред. Н.Г. Мельникова. М., 2010. С. 499–541.

как А.Я. Левинсон, В.С. Познер, М. Алданов, Н.К. Кульман, В.Б. Фохт, Б.Ф. Шлёцер, Г.П. Струве, В.В. Вейдле, М.Л. Слоним, Ю.В. Мандельштам, В.М. Зензинов, З.А. Шаховская, Н.В. Брянчанинов, Н.Д. Городецкая, Г.Л. Лозинский, З.Д. Львовский, Я.М. Цвибак, С.Л. Рафалович, Т.М. Бродская и т.д.⁹

Несмотря на то, что из всех иностранных языков французский имеет первостепенное значение для полноценного осмысления историко-литературного феномена первой волны эмиграции, данная тема до настоящего времени недостаточно и приблизительно изучена и имеет некоторые смысловые лакуны. В научной практике существуют определенные стереотипы, связанные с обращением представителей эмиграции к французскому языку: эмигрантские авторы в основном ошибочно использовали французский язык; эмигранты обратились к французскому языку в нобелевские дни (ноябрь–декабрь 1933 г.); статьи эмигрантских критиков должны рассматриваться как адаптация их взглядов, появляющихся в эмигрантской периодике и уже высказанных в эмигрантской среде¹⁰; статьи, написанные коренными носителями языка, рассматриваются как литературоведческая норма, в то время как иностранные тексты эмигрантских авторов представляются как своеобразные литературные маргиналии¹¹.

Французские тексты и французские вставки в русских текстах недостаточно верно представлены в современных изданиях по первой волне эмиграции (опечатки, связанные в основном с диакритическими знаками; неточности в передаче материала и в переводе). Например, во введении к франкоязычной критике из книги «Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина» о справочной статье М. Алданова сообщается следующее: «Несколько сказанных о Бунине слов совершенно точно резюмируют мнение, сложившееся к этому времени о писателе у французского критика и читателя: “Его художественное мастерство стало еще более печальным, утонченным и классическим”»¹². Если мы обратимся к данному тексту Алданова, то заметим, что о Бунине упоминается не один, а семь раз, причем в самых ключевых по смыслу моментах статьи. Прилагательное “sobre” переведено как «печальный», что не соответствует смыслу по-французски: «строгий». Другим наглядным примером может послужить комментарий к письму Н.Н. Берберовой Бу-

⁹ *Livak L. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal, 2010. P. 93–99.*

¹⁰ *Марченко Т.В. Введение. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. С. 526.*

¹¹ *Мельников Н.Г. Предисловие // Классик без ретуши. С. 14.*

¹² *Марченко Т.В. Введение. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. С. 526.*

нину от 11 июня 1941 г., в котором читаем: “Voudrions avoir ici vos nouvelles contes et le petit roman”¹³. Если первая часть комментария («Надо “nouveaux contes”») может подвергнуться сомнению, то вторая воспринимается носителями французского языка как заведомо неправильная («но правильнее было бы “nouveaux récits”, так как “conte” значит “сказка”»¹⁴). В этом случае можно также предположить, что Берберова дает краткую литературоведческую характеристику бунинскому творчеству с уменьшительно-ласкательной окраской, выраженной по-французски нанизыванием синонимов и употреблением прилагательного “petit”. Если мы примем эту гипотезу, то окажется, что синонимическое нанизывание существительных “nouvelles(-)contes” («рассказики» или «рассказы-сказы»), эмоционально соответствующих словосочетанию “petit roman” («романчик»), устойчиво коллокационно употребляемых во французском языке и используемых в литературоведческой французской критике для обозначения термина «рассказ», интерпретируется как ошибочное написание словосочетания прилагательного с существительным “nouveaux contes” («новые рассказы»). Из этого вытекает, что в перевод на русский язык вводится рема «новые», эксплицитно не обозначенная в письме Берберовой, и, соответственно, комментарий, вытекающий из перевода возможного существительного “nouvelles” («новелла/рассказ»), истолкованного как прилагательное “nouveaux” («новые»), приводит к двоякой интерпретации по-русски того, что в 1941 г. Берберова просила у Бунина прислать ей новые рассказы. Заметим, что в письме к Берберовой и Н.В. Макееву от 21 января 1941 г. Бунин сам называет свои рассказы “nouvelles”: “J’ai écrit 12 nouvelles”¹⁵, а в следующем письме от 12 мая 1941 г. пишет: “J’ai écrit un nouveau petit roman”¹⁶; Берберова в письме от 11 июня 1941 г. только повторяет уже названные термины. Причем письмо Берберовой и В.А. Зайцевой к Буниным от 12 апреля 1942 г. снова содержит вокабулу “conte”: “Nous lisons nos contes”¹⁷. В письме к Бунину от 28 января 1944 г. Берберова, подразумевая присланные Б.К. Зайцеву новые рассказы, пишет: «о моих чувствах к Вам, о Ваших рассказах»¹⁸. Практическое значение изучения французской составляющей эмиграции может состоять в нахождении новых возможных истолкований особенностей эмигрантской жизни и творческого наследия во франкоязычной среде.

¹³ И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О.А. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. С. 70.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ Там же. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 70.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ Там же. С. 91.

В данной статье мы предлагаем бегло проанализировать французские тексты, написанные Т.М. Бродской (Tamara Brodsky), А.Я. Левинсоном (André Levinson), Н.В. Брянчаниновым (Nicolas Brian-Chaninov), Б.Ф. Шлёцером (Boris de Schlœtzer), З.А. Шаховской (Zinaïda Schakhovskoy) и М. Алдановым (Marc Aldanov)¹⁹. Иван Бунин в основном был близко или отдаленно знаком с эмигрантскими авторами, писавшими или упоминавшими о нем по-французски. Например, Бунины знакомятся и общаются с Т.М. Бродской-Букуаран во время и после Второй мировой войны, но еще в 1922 г. Бродская публикует в журнале «Эроп нувель» («Europe nouvelle») статью «Русские писатели и революция» («Les écrivains russes et la révolution»), в которой упоминается Бунин, стоящий между Д.С. Мережковским и А.И. Куприным в перечислении писателей, избравших Париж местом своего изгнания²⁰.

Статья «Великий прозаик: Бунин» А. Левинсона, опубликованная в газете «Комедья» за 1925 г., начинается с подробного анализа повести «Митина любовь», в которой жизнь, метафорически представленная весной, покрывается маской смерти в сознании главного героя, сравниваемого критиком для французского читателя с Раскольниковым и Анной Карениной. По сравнению с другими писателями, подчеркивается лаконичность бунинского стиля, отсылающего к характерным особенностям пушкинской поэтики²¹. А. Левинсон называет этот текст антологией русского пейзажа, который ведет читателя к описаниям природы у И.С. Тургенева, созданным на французской чужбине. Творчество Бунина связывается эмигрантским критиком и с французской традицией посредством «Воспитания чувств» Г. Флобера и «Жанны д'Арк» Ж. Мишле. В эссе «Мудрость Бунина» за 1927 г. А. Левинсон преподносит Бунина как писателя-классика, реализм которого опирается на материальную видимость. Его творчество характеризуется накладыванием мгновенно проходящего момента, мимолетного впечатления на вековые базы бытия²². В особенности критик выделяет в бунинском творчестве тему

¹⁹ Нижеследующие статьи также малоизвестны и не исследовались, но из-за коротких сроков мы не успели с ними ознакомиться: *Levinson A.* La littérature russe actuelle // *Revue mondiale*. 1921. Vol. CXLIV. № 19. 1 octobre. P. 335; *Mandelstam Jou.* Ivan Bounine // *Revue de France*. 1933. Vol. VI. № 24. 15 décembre. P. 697–708. *Struve G.* L'amour de la vie et le sens de la mort dans l'œuvre d'Ivan Bounine // *Mois*. 1931. № 12. P. 157–162; *Vogt W. de.* Les écrivains russes en France — Ivan Bounine // *Figaro*, supplément littéraire. 1928. № 490. 25 août. P. 5; *Weidlé W.* La littérature soviétique et littérature russe // *Russie et chrétienté*. 1935. Vol. II. № 3. P. 144–156; *Zenzinov V.* Un artiste — Ivan Bounine // *Revue des vivants*. 1934. № 3. P. 398–403.

²⁰ *Brodsky T.* Les écrivains russes et la révolution // *Europe nouvelle*. 1922. № 5. 4 février. P. 139.

²¹ *Levinson A.* Un grand prosateur: Bounine // *Comœdia*. 1925. № 4669. 3 octobre. P. 1.

²² *Levinson A.* La sagesse de Bounine // *Comœdia*. 1927. № 5129. 16 janvier. P. 3.

любви и смерти, мотив возможной и нереализованной встречи, мотив тривиального в ужасном. Отметим, что в статье «Современные русские писатели — Иван Бунин» (“Écrivains russes contemporains — Ivan Bounine”) переводчик первых книг писателя Морис Парижанин (Maurice Parijanine) — псевдоним Мориса Донзеля (Maurice Donzel) — выделяет также две главные составляющие бунинской поэтики: ненависть и любовь, противопоставляемые друг другу, но и взаимопереплетающиеся в творческом акте²³.

В литературной рубрике «Люди и книги» (“Les Hommes et les livres”) газеты «Кандид» (“Candide”) за 1926 г. Н.В. Брянчанинов, под псевдонимом Nicolas Brian-Chaninov²⁴, уточняет, что творчество Бунина не имело особого успеха в начале XX в. из-за описаний деревенской среды, отличных от канонического представления русских крестьян²⁵. В книге «Трагедия русской литературы» (“La tragédie des lettres russes”), вышедшей в издательстве «Меркюр де Франс» в 1938 г., Н.В. Брянчанинов замечает, что из всех литератур у русской письменности самый трагический характер и самая трагическая судьба. Упоминание о Бунине находится в конце тома, где автор книги описывает противостояние реализма модернизму в начале XX в., выделяя трех главных писателей-реалистов: Горького, Куприна и Бунина в окружении Шмелева, Л. Андреева, Ремизова, Б. Зайцева и А. Толстого²⁶.

В рубрике «Иностранная литература» из «Нувель ревью франсез» (“Nouvelle revue française”) за 1933 г. Б. Шлётцер, возвращаясь к теме присуждения Нобелевской премии, уточняет, что внешний мир существует для Бунина не только в виде форм, цветов, запахов, вкусов, но также, и особенно, в телесном измерении. К внутреннему миру писатель приходит посредством мира внешнего и физической оболочки, и через эту характеристику ведется его противопоставление с поэтикой Ф.М. Достоевского и продолжение традиций художественной линии Л.Н. Толстого²⁷.

В 1935 г. Зинаида Шаховская за подписью “Z.S.” публикует в рубрике русской словесности газеты «Индепанданс бельж» (“Indépendance

²³ *Parijanine M.* Écrivains russes contemporains — Ivan Bounine // *Humanité*. 1922. № 6521. 31 janvier. P. 2.

²⁴ Николай Валерианович Брянчанинов (1874–1943) — писатель и журналист, эмигрировавший во Францию и сотрудничавший в журнале «Иллюстрированная Россия». Здесь мы находим, возможно, лучшую звуковую адаптацию русской фамилии на французский язык. Можно также предположить отсылку к французскому писателю-эмигранту Ф. Шатобриану посредством слоговой инверсии: Brian-Chaninov — Chateaubriand.

²⁵ *Brian-Chaninov N.* Les lettres russes dans l’émigration // *Candide*. 1926. № 127. 19 août. P. 3.

²⁶ *Brian-Chaninov N.* La tragédie des lettres russes. Paris, 1938. P. 133.

²⁷ *Schlätzer B. de.* Ivan Bounine // *Nouvelle revue française*. 1933. Vol. XLI. № 243. 1 décembre. P. 921.

belge”) обзорную статью под названием «Иван Бунин. Его жизнь и его творчество» (“Ivan Bounine. Sa vie et son œuvre”)²⁸. Она перечисляет главные особенности бунинской поэтики: принятие своего литературного призвания, осознанного через осмысление творчества жизни и приуроченного к нему морального долга; обширные познания в деревенской жизни; понимание смерти, ведущееся через осмысление любви к жизни; музыкальность текстуры бунинских произведений; соотношение временного и вечного. Шаховская приводит два примера реализации ненависти в бунинском творчестве: личный дневник, написанный в революционные годы и опубликованный в изгнании под названием «Окаянные дни», а также его основополагающую речь, произнесенную в 1924 г. в Париже, об исторической миссии русской эмиграции. «Жизнь Арсеньева» характеризуется критиком как выдуманная автобиография, затрагивающая темы внешнего взгляда на внутреннюю жизнь писателя, зарождения поэтического вдохновения, раздвоения поэтической личности на действующее лицо и мыслителя, а также на того, кто видит себя действующим и мыслящим.

Начиная справочную статью по эмигрантской литературе со сравнения французской и русской эмиграций, М. Алданов отмечает, что писатель-изгнанник Бунин, лауреат Нобелевской премии 1933 г. и проживающий во Франции с 1920 г., относится к общерусской литературной традиции таким же образом, как Ф. Шатобриан — к французской. Классифицируя и выделяя писателей, пишущих о довоенной и предреволюционной жизни, Алданов перечисляет Бунина, И. Шмелева, Г. Гребенщикова и М. Осоргина. Хотя религиозность является характерной чертой несоветской литературы, составитель статьи всё же замечает, что она не характеризует творчество Бунина, Куприна и Сирина. По Алданову, именно в эмиграции Бунин создает свои лучшие произведения — «Жизнь Арсеньева» и «Митина любовь», его стиль становится еще «более строгим, чистым и классическим»²⁹. Заключая статью, Алданов приводит объективные доказательства хорошего приема эмигрантской литературы за границей: Бунин — единственный из русских писателей, получивший Нобелевскую премию уже в 1933 г., книги основных авторов эмиграции — Бунина, Д. Мережковского, А. Куприна — переведены и продолжают переводиться не менее чем на двадцать языков мира.

²⁸ Z. S. <Шаховская З.А.> Ivan Bounine. Sa vie et son œuvre // Indépendance belge. 1935, № 93. 3 avril. P. 6.

²⁹ Aldanov M. Les littératures non-soviétiques de langue russe // Encyclopédie française. T. XVII. Arts et littératures dans la société contemporaine. Paris, 1936. P. 17'54–3 — 17'54–5 (17 — том, 54 — выпуск, 3–5 — цитируемые страницы). Каждый том данной энциклопедии публиковался в форме разрозненных выпусков.

Эмигрантская критика по-французски опирается на некоторые основные черты бунинского творчества: ведущее место Бунина в эмигрантской литературе как наследника реализма и основной ветви великой русской литературы, чрезмерная телесность и вещественность бунинского мира, а также основополагающая тема любви и смерти в творческом акте, позволяющая осмыслить онтологический смысл жизни.

**По поводу статьи Н.К. Кульмана
«Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции»
("Ivan Bunin. Son activité littéraire en France", 1928)**

В письме от 27 октября 1955 г. В.Н. Бунина, описывая Г.Н. Кузнецовой прошедший вечер по случаю 85-летия Бунина, отмечает: «Читала статью Ник[олая] Карлов[ича] Наталья Ивановна, 12 стр., но это было не в тон. Мне нужны черты живого Бунина, а не статьи о его творчестве»³⁰. В комментарии к этому предложению указывается, что статья Кульмана о Буinine в печати не появлялась, и высказывается предположение о чтении текста одной из кульмановских лекций³¹. Прибегая к тексту, существующему во французской эмигрантской критике, можно также предположить, что в письме речь идет о французской статье Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции».

17 марта 1928 г. в Сорбонне, в рамках Франко-славянской ассоциации Парижского университета, Кульман (Nicolas Koulmann) произнес по-французски основополагающий доклад о творчестве Бунина. Статья по докладу была напечатана в журнале «Монд слав» ("Monde slave") в мае 1928 г. под названием «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» ("Ivan Bunin. Son activité littéraire en France")³². В этом тексте Кульман начинает свои размышления с исторического противопоставления французской и русской пореволюционных эмиграций: первая волна русской эмиграции характеризуется повышенной интеллектуальной насыщенностью, по его словам, это был исход представителей русской интеллигенции, приверженцев свободы слова и эстетической красоты, желающих сохранить русскую литературную традицию. Исторический факт выбора Франции эмигрантскими писателями объясняется тесной взаимосвязью и влиянием французской литературы и философии на русскую словесность начиная с XVIII в. Ци-

³⁰ В.Н. Бунин — Г.Н. Кузнецовой. 27 октября 1955 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 327.

³¹ Там же. С. 328.

³² Koulmann N. Ivan Bunin. Son activité littéraire en France // Monde slave. 1928. № 4. P. 34–51.

тируя важных представителей эмиграции: Бунина, Шмелева, Куприна, Мережковского, Б. Зайцева, Ремизова, Алданова, Бальмонта, Гиппиус, Тэффи и т.д., Кульман отмечает, что среди них Бунин занимает первое место, являясь прямым наследником по толстовской линии. Критик представляет бунинский художественный талант, ясность и элегантность его стиля, силу его описаний и тематическую множественность³³. Черты тревожности, грусти и печальности навеяны в бунинской поэзии русской природой, но феномен тревожности проступает в ней не как отчаяние, а под видом сновидений: на тревожность наслаиваются чувства радости, возникающие как в преддверии новой весны; bipolarность тревожности/счастья выявляется же в бунинской поэзии как выражение русской души³⁴. В повести «Деревня» тревожность проявляется под видом пророческого взгляда на особенный и противоречивый характер русской революции. По критику, основными темами бунинского творчества являются жизнь, мучения, страх смерти, тщетность человеческих начинаний, непрочность наслаждений жизнью, кратковременность счастья³⁵. Главная же его тема — взаимосвязь любви и смерти в призме категорий вечного и сверхъестественного, но в этой художественной призме смерть призвана лишь только оттенять ценность и красоту жизни. Начало рассказа «Цикады» предстает, таким образом, поэтическим символом жизни и смерти, слияния вечности и творческого таинства. Эта и следующие за ней идеи уже были высказаны Кульманом в рецензии на данный рассказ, опубликованной в «Возрождении» в 1925 г.³⁶

Считая вполне вероятным чтение данной статьи на вечере, посвященном бунинскому 85-летию, мы можем понять реплику В.Н. Буниной: «... это было не в тон. Мне нужны черты живого Бунина, а не статьи о его творчестве». Пробное чтение на французском языке оказывается не в соответствии с общей направленностью мемориального литературного вечера. Черты живого Бунина не передаются на французском языке, они могут быть оживлены только на родном наречии, посредством личных воспоминаний, а не скрупулезного анализа бунинского творчества. Поэтому В.Н. Бунина продолжает свое письмо: «Если доживу до будущего года, то попрошу и Вас, и Магду, и Федора прислать по несколько страниц о живом Бунине»³⁷. Заметим, что отрицательное мнение о французском языке

³³ Там же. С. 36.

³⁴ Там же. С. 40.

³⁵ Там же. С. 44.

³⁶ Кульман Н. «Цикады» Бунина // Возрождение. 1925. № 198, 17 декабря. С. 3–4.

³⁷ В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 27 октября 1955 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 327.

как о не способном выразить самую сущность вещей и уступающем по выразительности русскому языку отчасти присуще эмиграции. Например, в воспоминаниях Г.В. Адамовича о Бунине можно найти следующую бунинскую реплику: «— Вы, я слышал, сомневаетесь, не начать ли писать по-французски? <...> Пишите на том языке, с которым родились и выросли. Двух языков человек знать не может. Понимаете, знать, чувствовать всякую мельчайшую мелочь, всякий оттенок... Что, можете вы, например, подмигнуть читателю по-французски?»³⁸ Или же другое замечание в переложении Адамовича по поводу того, что Андре Жид считает «Деревню» бунинским шедевром: «— Ну что же с француза спрашивать? Он умный старик, а все-таки француз... Я как-то стал читать себя в переводе, а потом прочел Наживина, тоже в переводе. Честное слово, никакой разницы!»³⁹ Мы также можем прочесть в письме В.Н. Буниной к Кузнецовой за 11 августа 1960 г.: «Писала ли я Вам, что Зика Шаховская получила *légion d'honneur*. Я спросила, за что. Она обиделась — “за 11 французских книг”, “за резистанс”»⁴⁰. Такое же мнение высказывается В.Н. Буниной в уже цитированном письме о передаче иностранных статей и рецензий в СССР.

Возвращаясь к Кульману, можно заметить, что критические высказывания присутствуют уже в письме В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой за 1 ноября 1954 г., в котором описывается выступление Н.И. Кульман на первом после кончины И.А. Бунина литературном вечере, посвященном его 84-летию: «выступила Н.И. Кульман, рассказала с чужих слов один эпизод, который, между нами, был так да не так: уже начинаются легенды»⁴¹.

Но возникает еще один вопрос — о несоответствии страниц в упомянутой статье: В.Н. Бунина упоминает в своем письме 12 страниц, а статья Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» насчитывает всё же 16 страниц. Изучение данной статьи приводит нас к возможному текстологическому истолкованию: из 16 страниц первые и последние две предназначались для французского читателя, они оказываются совершенно ненужными для эмигрантского слушателя, так как на первых двух страницах высказываются общие мысли об историко-литературном феномене русской эмиграции, а на последних двух бунинское творчество привязывается в французским наследию и моральным ценностям. Таким образом, французское слагаемое эмигрантского быта может явиться достаточно существенным в истолковании литературных парадигм, присущих первой волне русской эмиграции.

³⁸ Адамович Г. Бунин. Воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105. С. 124.

³⁹ Адамович Г. Бунин // Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 100.

⁴⁰ В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 11 августа 1960 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 538.

⁴¹ В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 1 ноября 1954 г. // Вып. III. С. 264.

Образ И.А. Бунина в «Панораме современной русской литературы» (“*Panorama de la littérature russe contemporaine*”, 1929) В.С. Познера

В книге «Панорама современной русской литературы» Владимир Познер (Vladimir Pozner), деля литературу рубежа XX в. на четыре составляющих, упоминает Бунина в первой части после М. Горького, в одной главе с В.Г. Короленко и А.И. Куприным, представляющей реалистическую школу с 1885 по 1905 гг. В главе о началах русской литературы рубежа веков Познер указывает на упадок реализма в начале XX в., несмотря на таланты таких писателей, как Короленко, Горький и Бунин⁴². Изучая бунинское творчество, автор книги перечисляет сильные и слабые черты русского реализма: пристрастие к самоценным описаниям, деталям, точности, рационализму с легким налетом мистицизма, изучение характеров, структурированное развитие повествования. Все эти характеристики являются неоспоримыми принципами бунинского творчества. Познер называет наблюдение шестым чувством у Бунина, обладающего мастерством уникально точного определения: описательные бунинские картины сравниваются Познером с живописной техникой театрального художника М.А. Шишкова; в бунинской поэтике метафора и сравнение не преображают предмет, а точно определяют его место и характеристики. Следовательно, абсолютная власть над языком приводит у него к описаниям для описаний, и в этом он сближается с даром наблюдения, свойственного И. Тургеневу. Заметим, что в газете «Комедья» за 1922 г. Луи Лалуа (Louis Laloy; 1874–1944) за подписью L.L. публикует обзор новых публикаций русской литературы, в котором в первую очередь упоминает о творчестве Бунина, именуя его прямым последователем тургеневской линии⁴³.

По Познеру, бунинский рассказ состоит из статичностей: пейзажей, натюрмортов и портретов. Движение и его кинетические составляющие не имеют места в бунинской поэтике, они изгнаны из бунинского пространства, таким образом, жизнь у Бунина представляется недвижимой формой. Разрушающая дезинтеграция форм движет предметами, превращая точность в хаос. Статичность в описании персонажей заключается в том, что развитие героев изображается путем повествования о различных моментах в их жизни, без представления переходных моментов, как бы посредством кинематографического приема. Бунинский мир создан главным образом из предметов, он глубоко вещественен. Писатель констатирует сущность вещественного мира, предельно точно его описывая в пространственном, а не во временном измерении. Критик приходит

⁴² Pozner V. *Panorama de la littérature russe contemporaine*. Paris, 1929. P. 22–23.

⁴³ L.L.<laloy>. *Littérature russe // Comœdia*. 1922. № 3630. 24 novembre. P. 6.

к выводу, что, по сравнению с Чеховым и Куприным, движущаяся и текущая жизнь отсутствуют в бунинском творчестве⁴⁴.

Бунинское искусство тяготеет к определенному: писатель Бунин предпочитает говорить о людях посмертно; нарративная динамика действия развивается вне рамок повествовательного пространства. Например, в текстах рассказов «Чаша жизни», «Грамматика любви», «Клаша» автор представляет читателю только результаты действий, в повести «Деревня» описываются герои, их жизненное пространство и природа, а стилистическая строгость и отсутствие движения в «Господине из Сан-Франциско» создают тяжелую атмосферу, подчеркивающую бессмысленность смерти. В поэтическом пространстве диалоги замещаются чередованием длинных монологов. Как замечает Познер, «люди у Бунина не действуют: они смотрят, слушают, размышляют, вспоминают и мало говорят»⁴⁵.

Бунинская поэзия похожа на его прозу и обладает теми же характеристиками: языковая простота и совершенство, пристрастие к перечислениям и точности выражения, описательность. Бунин-поэт уклоняется от новшеств в поэзии и следует классическому метру, точным рифмам и точно определенным сюжетам.

Упоминая об эволюции реалистической школы в 1905–1914 гг., Познер говорит о двух столпах реализма, Горьком и Бунине, которых другие писатели-реалисты имитировали в эту эпоху⁴⁶. Анализируя литературную эпоху рубежа веков, противопоставляя реализм модернизму и прозу поэзии (наряду с «Петербургом» Белого и «Детством» Горького цитируется «Господин из Сан-Франциско»), Познер представляет Бунина как одного из ведущих романистов начала XX в., повлиявших на развитие постреволюционных писателей не только в Русском зарубежье, но и в Советской России⁴⁷. Например, прямое и незауалированное описание народной жизни у Горького и Бунина оказало влияние на таких советских писателей, как Всеволод Иванов, Владимир Лидин и Борис Пильняк⁴⁸.

В конце книги, делая беглый обзор литературы эмиграции, Познер упоминает Бунина наряду с Гиппиус, Мережковским, Куприным, Бальмонтом, Шмелевым, Б. Зайцевым, Вяч. Ивановым, Ходасевичем, Шестовым, Ремизовым, Цветаевой⁴⁹. В последних строках, дописанных в Париже в 1928 г., автор задается вопросом о будущем развитии русской

⁴⁴ Pozner V. Panorama de la littérature russe contemporaine. P. 144.

⁴⁵ Там же. P. 143.

⁴⁶ Там же. P. 201.

⁴⁷ Там же. P. 233.

⁴⁸ Там же. P. 359.

⁴⁹ Там же. P. 356.

литературы: пойдет ли оно по горьковско-бунинской линии или другим путем (розановско-ремизовской линии, линии Белого, Хлебникова и Пастернака или же по блоковско-есенинскому направлению)?⁵⁰

В рецензии на «Панораму современной русской литературы», опубликованной в «Нувель ревью франсез» (“Nouvelle revue française”) за 1929 г., Б. Шлецер не согласился с мнениями, высказанными Познером по поводу бунинского творчества. По критику, Бунина нельзя ставить на один уровень с В. Короленко и А. Куприным, руководствуясь чисто эстетическим критерием, так как его место в истории русской литературы представляется более значительным и его влияние распространяется не только на эмигрантскую, но и на советскую литературу⁵¹. В другой рецензии на книгу, вышедшей в «Меркюр де Франс» за 1930 г., Жан Шюзвиль относится достаточно критически к познеровским оценкам современной литературы⁵². Заметим, что в этом журнале за 1925 г. Шюзвиль публикует статью-обзор русской поэзии, начиная с 1890 г., в которой достаточно хвалебно упоминает о бунинском творчестве⁵³.

И.А. Бунин в свете литературоведческих размышлений Франко-русской студии

Франко-русская студия (Studio franco-russe) сыграла в конце 1920-х — начале 1930-х гг. достаточно важную роль в укреплении литературных связей между русской эмиграцией и французской литературной средой. В продолжение четырнадцати собраний, прошедших с 29 октября 1929 г. по 28 апреля 1931 г., имя Бунина произносится во время некоторых докладов, а также звучит в прениях. Например, на втором заседании 26 ноября 1929 г. писателя упоминает Ю.Л. Сазонова, его будущий биограф, в докладе «Влияние французской литературы на русских писателей, начиная с 1900 г.»⁵⁴, опубликованном в специальном выпуске «Кайе де ля кензен» (“Cahiers de la quinzaine”) за 1930 г.

Седьмое собрание, посвященное жанру романа начиная с 1918 г., прошло 29 апреля 1930 г. Тексты докладов Б. Кремье и В. Фохта, а также последующие дискуссии были напечатаны в восьмом номере двадцатой

⁵⁰ Там же. P. 364.

⁵¹ *Schletzer B. de. V. Pozner. Panorama de la littérature russe // Nouvelle revue française. 1929. T. XXXIII, № 195. 1 décembre. P. 854.*

⁵² *Chuzeville J. V. Pozner. Panorama de la littérature russe contemporaine // Mercure de France. 1930. T. CCXXI, № 770. 15 juillet. P. 496–497.*

⁵³ *Chuzeville J. La poésie russe de 1890 à nos jours // Mercure de France. 1925. T. CLXXXII. № 654. 15 septembre. P. 596–597.*

⁵⁴ *Sazonova Iou. L'influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900 // Le studio franco-russe. 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005. (Toronto Slavic Library. Vol. 1). P. 64.*

серии «Кайе де ля кензен» (“Cahiers de la quinzaine”) за 5 мая 1930 г. В докладе «О некоторых аспектах русского романа начиная с 1918 г.» Всеволод Фохт (Wsevolod de Vogt) характеризует Бунина как мэтра среди современных русских писателей, между творчеством Д. Мережковского и М. Алданова. Философские подтексты обнаруживаются и проникают в поэтическую ткань бунинских произведений незаметным для читателя образом. Писатель в особенности интересуется человеком в его конфронтации со стихией любви и смерти, поскольку в эти два предельных момента он раскрывает свою настоящую сущность, что позволяет художнику слова проникнуть в тайны и смысл бытия, чтобы найти оправдание человеческой жизни в вечности⁵⁵. Спокойствие же в бунинской поэтике уступает место тревожности из-за фатализма, присущего жизненному развитию в историческом процессе. Таким образом, ценность жизни понимается в художественном осмыслении через смертное состояние. Из этого вытекает, что целью бунинского искусства становится попытка примирить человека с природой и природу с божественным началом, не прибегая к вере и религиозному мистицизму. В. Фохт отмечает, что вера Бунина не выходит за рамки смертной событийности и что его творчество решает проблемы гуманизма, а не христианства⁵⁶.

В прениях после доклада В. Познер высказывает мысль, что И. Бунин является великим писателем начала века, но не эмиграции⁵⁷. Выступая также против разделения русской литературы на две составляющие, эмигрантскую и советскую, он настаивает на том, что Бунин и Горький относятся к одной и той же литературе⁵⁸. В. Фохт, вступая в полемику, замечает, что Познер в «Панораме современной русской литературы», цитируя эмигрантские издания, останавливается на 1920 г., не упоминая не только «Жизнь Арсеньева», но даже «Митину любовь» и «Солнечный удар»⁵⁹.

Имя Бунина появляется также в рецензиях, посвященных литературным встречам Франко-русской студии. В отчете «Парижские вечера» (“Soirées de Paris”), написанном В. Фохтом и вышедшем в журнале «Франс э монд» (“France et monde”), говорится также о публикациях основных русских писателей, в особенности о четырех опубликованных по-французски книгах Бунина⁶⁰. Упомянуто, что писатель лучше всех понял душу русского народа еще в предвоенный период и что в сво-

⁵⁵ Vogt W. de. Quelques aspects du roman russe depuis 1918 // Le studio franco-russe. P. 226.

⁵⁶ Там же. P. 227.

⁵⁷ Les débats // Там же. P. 232.

⁵⁸ Там же. P. 233.

⁵⁹ Там же. P. 248.

⁶⁰ Vogt W. de. Soirées de Paris // France et monde. 1929. № 135. P. 59.

ей прозе он исследует поэтические темы, присущие великим русским поэтам⁶¹.

В отклике на седьмое собрание, опубликованном в «Возрождении» 5 мая 1930 г., Л.И. Львов снова выделяет определяющую бунинское творчество тему, заключающуюся в переплетении любви и смерти⁶². В газете «Сегодня» за 12 сентября 1930 г. Ю. Фельзен в статье «Парижские встречи русских и французских писателей» пишет об атмосфере франко-русских вечеров следующее: «Часто бывают Бунин, Алданов и Зайцев. Можно наблюдать, как французы шепчутся о русских и русские о французах»⁶³. И далее: «Фохт остановился на Бунинской *Жизни Арсеньева*, на последних произведениях Мережковского, Алданова, Зайцева, на творчестве некоторых молодых зарубежных беллетристов, в том числе Газданова и Сирина»⁶⁴.

Заключение

Текстологический анализ некоторых малоизученных литературоведческих источников о творчестве Бунина на французском языке может привести нас к следующим заключительным размышлениям. Несомненно, упоминание об этом писателе играет главенствующую роль во франкоязычной критической мысли русской эмиграции, проявляющейся в литературных статьях, рецензиях, книгах, справочных статьях, личных письмах и т.д. Критики эмиграции перенимают манеру письма по-французски, их литературные замечания переплетаются с философскими размышлениями и наполняются философскими подтекстом и глубиной, чрезвычайно свойственными французской критике. Таким образом, можно предположить, что вследствие тесного контакта с французской словесностью эмигрантская литературоведческая критика, в частности, обогащается приемом философского остранения, присущего литературоведческим размышлениям на французском языке. При чтении французских источников можно констатировать тот факт, что обобщенные, вычурные формулировки, свойственные французской критической мысли в целом, появляются и в суждениях о Буине. Тема французского наследия и использования французского языка в творчестве Бунина и первой волны эмиграции в целом нуждается в дальнейших тщательных научных исследованиях.

⁶¹ Там же. Р. 61-62.

⁶² *Львов Л.И.* Роман после 1918 г. Встреча французских и русских писателей // *Возрождение*. 1930. 5 мая. № 1798. С. 3.

⁶³ *Фельзен Ю.* Парижские встречи русских и французских писателей // *Сегодня*. 1930. № 252, 12 сент. С. 5.

⁶⁴ Там же. С. 5.

Литература

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О.А. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. 535 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Под ред. Н.Г. Мельникова. М.: Русский путь, 2010. 926 с.

Кривцова С.А. Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики: дис. ... к-та филол. наук. Орел: Орловский гос. ун-т, 2008. 220 с.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1973. 551 с.

Livak L. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010. 542 p.

Sazonova Iou. L'influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900 // Le studio franco-russe. 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005. (Toronto Slavic Library. Vol. 1). P. 63–72.

Vögt W. de. Quelques aspects du roman russe depuis 1918 // Le studio franco-russe. 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005. (Toronto Slavic Library. Vol. 1). P. 224–250.

References

I.A. Bunin. Noveye materialy. Vyp. II [I.A. Bunin. New materials. Iss. II], comp., ed. by O.A. Korostelev and R. Davis. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 535 p. (In Russ.)

I.A. Bunin. Noveye materialy. Vyp. III: "...kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi": Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun. 1934–1961 [I.A. Bunin. New materials. Vol. III: "...when close people write to each other": Letters of I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M. Stepun. 1934–1961], comp., ed., comment. by E.R. Ponomarev and R. Davis, articles by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina [A classic without retouching. The literary world on I.A. Bunin's works], ed. by N.G. Mel'nikov. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 926 p. (In Russ.)

Krivtsova S.A. Lichnost' i tvorchestvo I.A. Bunina v otsenke frantsuzskoi kritiki: dis. ... k-ta filol. nauk [I.A. Bunin's personality and works estimated by French critics. Cand. phil. sci. diss.]. Orel, Orel State University Publ., 2008. 220 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin: V 2 kn. Kn. 2 [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 parts. Part 2]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 551 p. (In Russ.)

Livak L. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal, McGill-Queen's University Press, 2010. 542 p.

Sazonova Iou. L'influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900. *Le studio franco-russe. 1929–1931*, textes réunis et présentés par Leonid Livak, sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005, (Toronto Slavic Library. Vol. 1), pp. 63–72.

Vogt W. de. Quelques aspects du roman russe depuis 1918. *Le studio franco-russe. 1929–1931*, textes réunis et présentés par Leonid Livak, sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005, (Toronto Slavic Library. Vol. 1), pp. 224–250.

Little-studied French-language literary criticism of I.A. Bunin's works in the light of the first wave of Russian émigrés

© 2019, Svetlana Garziano

Abstract: Contemporary studies on French criticism of I.A. Bunin's works were conducted in three main areas: literary criticism, published by French authors, different reviews of Bunin's books and articles, timed to the receipt of the Nobel Prize. The article analyzes previously unexplored or obscure texts written in French by representatives of the first wave of émigrés. The work explores four topics: interwar French-language émigré criticism of I.A. Bunin's works, N.K. Kulman's article "Ivan Bunin. His literary activity in France" ("Ivan Bunin. Son activité littéraire en France", 1928), the image of I.A. Bunin in V.S. Posner's book "Panorama of modern Russian literature" ("Panorama de la littérature russe contemporaine", 1929) and in the light of literary reflections expressed during the meetings of the Franco-Russian studio (Paris, October 1929 — April 1931). A review of émigré criticism in French makes it possible to highlight some of the main features of Bunin's poetics, such as the writer's leading place in émigré literature as the heir to realism and the main branch of great Russian literature, excessive corporeality and materiality of Bunin's world, and the fundamental theme of love and death, which makes it possible to understand the ontological meaning of life. The mention of this writer plays a pivotal role in the French-language criticism of Russian émigrés, manifested in literary articles, reviews, books, reference articles and personal letters.

Keywords: I.A. Bunin, literary criticism in French, the first wave of Russian émigrés, André Levinson, Vladimir Pozner, Nicolas Koulmann, Wsevolod de Vogt, Boris de Schletzer, Zinaïda Schakhovskoy, Nicolas Brian-Chaninov, Louis Laloy, Jean Chuzeville, Maurice Parijanine, Marc Aldanov

Information about the author: Svetlana Garziano, Doctor Hab., Associate Professor, University of Lyon, France.

E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

Citation: Garziano Svetlana. Little-studied French-language literary criticism of I.A. Bunin's works in the light of the first wave of Russian emigration. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 312–329. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-312-329